

ПЕРВЫЙ РАЗ 2

Сборник

Молли МАКАДАМС

Майра МАКИНТАЙР

Ханна МОСКОВИТЦ

Ли́ла ПЕЙН

Марк ПЕРИНИ

Мелисса УЭСТ

Трейси ВУЛФ

Кэрри РАЙАН

Аллесандра ТОМАС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
П26

Серия «Все оттенки желания»

FIFTY FIRST TIMES

Перевод с английского *Е. Максимовой, А. Мейсиговой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

П26 **Первый раз** — 2: [сборник]/ [пер. с англ. Е. Максимовой, А. Мейсиговой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Все оттенки желания).

ISBN 978-5-17-092961-0

Первый опыт физической любви... Страх и страсть, робость и любопытство, неуверенность и желание — такой калейдоскоп чувств и ощущений забыть невозможно.

В этот сборник вошли рассказы романтические и ироничные, печальные и радостные, все они насыщены подлинными эмоциями молодых людей и девушек, открывающих для себя прекрасный мир чувственных наслаждений.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Molly Jester, 2014
© Myra McEntire, 2014
© Hannah Moskowitz, 2014
© Lyla Payne, 2014
© Mark Perini, 2014
© Carrie Ryan, 2014
© Alessandra Thomas, 2014
© Melissa West, 2014
© Tracy Wolff, 2014
© Перевод. А. Мейсигова, 2015

ISBN 978-5-17-092961-0

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Молли Макадамс

МОЯ СТРАСТЬ

Кинли

Сегодня

Этого не могло случиться. Он не мог просто выйти за дверь — ну да, я требовала, чтобы он ушел, но теперь, когда он это сделал, мне казалось, что я изо всех сил пытаюсь вдохнуть, пытаюсь удержать голову над водой. Я хотела, чтобы он вернулся; он должен сказать мне, что все будет хорошо. Я обиделась, испугалась, и все это переросло в гнев и нелепые обвинения. В глубине души я понимала, что веду себя неразумно, но не могла остановиться, как ни старалась. Он должен был все исправить, должен был помочь мне преодолеть это... помочь *нам* преодолеть это. А я повела себя по-идиотски, начала орать, и он ушел.

Меньше чем через неделю должна была состояться наша свадьба.

Я росла и взрослела вместе с Джейсом Сако, мы жили в соседних домах, и в мою го-

лову ни разу не закралось сомнение в том, что этот парень предназначен мне. За прошедшие годы нам с ним пришлось многое пережить, но мы преодолевали трудные времена, поддерживая друг друга, а на кого нам опереться теперь?

До сегодняшнего вечера мы с Джейсом ни разу не ссорились. Да, разногласий хватало, но мы никогда не повышали друг на друга голос, никогда не оскорбляли друг друга. И прежде я всегда знала, как будут развиваться наши отношения дальше.

Джейс предложил мне дружбу, когда мы учились в пятом классе, — хотя какие могут быть отношения в десять лет? — и нам страшно завидовали одноклассники. Он впервые поцеловал меня по-настоящему (в действительности это был наш второй поцелуй) на мое тринадцатилетие и пригласил на первое свидание на следующий же день после того, как мне исполнилось шестнадцать. Мы встречались, пока учились в старших классах, и вместе утратили девственность в ночь после выпуска. Спустя полтора года он предложил мне руку и сердце, и мне и секунды не потребовалось, чтобы броситься ему на шею и снова и снова повторять «да!» в промежутках между страстными поцелуями.

Стоило взглянуть на кольцо на пальце, и из моей груди вырвалось мучительное рыдание, я попяtilась и уткнулась спиной в стену нашего

коридора. Я сползла по стене вниз, подтянула коленки к груди и закрыла руками лицо, по которому текли горькие слезы.

— Этого не может быть, — прошептала я в тишине.

Семнадцать лет назад

Я стремглав помчалась к качелям на площадке нашего детского сада, зная, что, если бежать не изо всех сил, меня опередят другие дети. А мне хотелось только одного — качаться. Качаясь на качелях, я воображала, что лечу. А лететь... ну, однажды я смогу летать, я просто знала это, а пока у меня есть только качели.

Но как раз перед ямой с песком, где стояли пустые качели, я споткнулась о шнурки и упала. Мимо пробежали другие дети, но никто не остановился, чтобы помочь мне. Ладони и колени больно саднило. Я перекатилась на спину и села, закусив изнутри щеку, чтобы не заплакать. Мои старшие братья вечно твердили, что плачут только нытики и хлюпики, а я к числу таких не относилась.

Посмотрев на красные, исцарапанные ладони, я вытерла их о штаны, чтобы стряхнуть крошки битума, и снова поднесла к лицу. Крови не было.

— У тебя течет кровь.

Я подняла голову, прищурилась от солнца и замотала головой, глядя на Джейса. Он

жил в соседнем доме, и мы с моими братьями каждый день ходили в школу и из школы с ним и его старшим братом, но в школе он никогда со мной не заговаривал, потому что он — мальчик, а я — девочка, и в школе... в общем, мальчики никогда не разговаривали с девочками.

— Нет!

Я повернулась, плечи мои поникли, и мне снова пришлось прикусить изнутри щеку, потому что все качели уже были заняты. А ведь я так хотела полетать!

— Кровь. Посмотри, — повторил Джейс. Я снова обернулась к нему и увидела, что он показывает на мои коленки.

Джинсы порвались, на ободранной коже виднелись красные пятна. Я захотела к маме, но, когда я так говорила, братья всегда надо мной смеялись, так что мне пришлось сильно сморщиться, чтобы ничего не ляпнуть.

— Пойдем, найдем мисс Кэти, она ответит тебя к медсестре. — Наклонившись, он взял меня за руки и помог подняться.

— Почему ты мне помогаешь?

Зашагав через площадку, Джейс пожал плечами.

— В смысле? Ты же мой лучший друг.

Я остановилась, уставившись на него широко распахнутыми глазами.

— Ничего подобного! Ты же со мной не разговариваешь, забыл? Я тебе не нравлюсь.

— Кинли Энн Аткинсон, это самая большая глупость на свете. Однажды я на тебе женюсь, поэтому, конечно, ты мне нравишься.

— Ч...

Джейс быстро прижался губами к моему рту, а когда отодвинулся, на его лице играла улыбка и сияли ямочки.

Я стояла, чувствуя, как пылает мое лицо, и слышала, как дети вокруг нас смеются, от чего мне снова захотелось плакать.

— Зачем ты это сделал? — закричала я, вытирая губы рукавом рубашки.

— Говорю же, я собираюсь...

Размахнувшись как следует, как учили старшие братья, я сильно ударила Джейса по носу. Голова его откинулась назад, руки метнулись к носу. Между пальцев сочилась кровь, по лицу потекли слезы. Нытик.

— Мои братья говорят, у тебя вши! Не смей меня трогать!

— Кинли Аткинсон! — Я повернулась и увидела свою учительницу, мисс Кэти. — Пойдем. В кабинет директора... немедленно. Джейс, пойдем с нами, я отведу тебя к медсестре.

После этого приехала мама, чтобы забрать нас с Джейсом из школы, и когда мы выбирались из машины, Джейс нагнулся и прошептал мне на ухо:

— Все равно я на тебе женюсь.

Джейс

Сегодня

Заехав на парковку возле бара, я остановил машину и хлопнул ладонями по рулю.

— Гребаный сукин сын!

Я провел руками по лицу, откинулся головой на подголовник и схватился за грудь. По телу растекалась такая боль, что могла навеки изувечить человека. Не знаю, как я сумел доехать до бара. Мне хотелось только одного — свернуться в клубок на заднем сиденье и отжаться этой боли.

Я просто поверить не мог, что ушел от Кинли. Бросил свою невесту, девушку, которую любил еще тогда, когда не знал, что такое любовь; оставил ее в нашей квартире, плачущую, в растерзанных чувствах, одну.

Но я тоже был потрясен. Настолько чертовски потрясен, что не мог перестать дрожать, и эта дрожь была ничем, по сравнению с рвущей душу болью, зато была напрямую связана с той упрямой, как последнее дерьмо, нелепой женщиной, на которой я собирался жениться меньше чем через неделю.

Рывком распахнув дверцу машины, я сумел выбраться наружу, не грохнувшись на землю, вошел в бар и сел на табурет за стойкой.

— Чего тебе налить? — спросил меня грузный, коренастый старик.

Как это банально: поссориться с девушкой, завалиться в бар, сесть за стойку и начать изливать душу.

— Все равно, лишь бы покрепче.

Он пошелкал языком, покачал головой и взял высокий стакан.

— Тыщу раз видел этот взгляд. Скажу только раз, а потом не буду лезть в твои дела весь вечер. Уж не знаю, что между вами произошло, но ты не решишь чертову проблему, явившись сюда, чтобы напиться в хлам. Тебе нужно вернуться к ней, попросить прощения за то, что ты натворил, и всю ночь ее обнимать. Слышишь меня, сынок?

Не поднимая головы, я уставился на собственные стиснутые кулаки, лежавшие на исцарапанной деревянной стойке, а затем злобно взглянул на него.

— Кто, мать твою, сказал, что это я что-то натворил?

— Так обычно бывает. Вряд ли она тебе изменила или бросила тебя. Ведь ты сидишь здесь, а это значит, что ушел *ты*, да только уходить во время ссоры — худший способ решения проблемы.

Моя невеста велела мне убираться из нашей квартиры после того, как мы с ней наговорили друг другу такого, о чем я уже жалел, и мне вовсе не хотелось, чтобы этот мужик меня доставал.

— Выпивку, — просто сказал я.

— Удостоверение личности.

Вытащив бумажник из заднего кармана, я щелчком открыл его, достал водительские права и шмякнул на стойку. Бармен глянул на него, на меня и пошел готовить мне напиток. Когда я засунул бумажник обратно в карман, он поставил передо мной стакан.

— Извините, но нам это не потребуется, — произнес голос за моей спиной. На моем предплечье сомкнулись чьи-то пальцы, поднимая меня с табурета.

Я оглянулся на своего лучшего друга (и коллегу-пожарного) и нахмурился еще сильнее.

— В бар приходят для того, чтобы выпить.

Эйдин криво ухмыльнулся и печально покачал головой.

— Только не таким образом, Джейс, и не сейчас. Ты позвонил мне, попросив составить тебе компанию, и именно это я собираюсь сделать. Давай поговорим о том, что случилось. Потому что, если ты напьешься и решишь, что хочешь вернуться и поговорить с Кинли, разве она поймет, что ты говоришь искренне?

— Да кому какое дело, мать твою! Она велела мне убираться прочь, ясно дала понять, что не хочет иметь со мной ничего общего, так что черта с два она позволит мне вернуться и поговорить.

Эйдин затолкал меня в кабинку и сел напротив.

— Хорошо. Так что произошло? Представить себе не могу, чтобы вы двое поссорились — я уже молчу про то, что Кинли выставила тебя.

Я уронил голову на руки, вцепившись в волосы.

— До сих пор мы с ней ни разу не ссорились.

— Никогда? Seriously?

— Да, старик, серьезно.

— Чувак, так это что, своего рода обряд посвящения или просто какое-то дерьмо? Первая ссора?

Я невольно рассмеялся.

— Для некоторых людей — возможно, но не для нас. У нас все по-другому, ты и сам знаешь. Мы обо всем разговариваем, и если даже в чем-то не соглашаемся друг с другом, нас это вполне устраивает.

— В таком случае что же пошло не так сегодня?

Я отпустил волосы, опустил руки и ссутулился.

— Я даже и не знаю, мать твою! Вот мы с ней убираем со стола после ужина, а в следующую минуту она вдруг вспоминает про мальчишник и начинает задавать вопросы о том, что там происходило и почему я не отвечал на ее звонки. А дальше внезапно начинает обвинять меня в том, что там были стриптизерши, и желает знать, что я с ними вытворял, потому что той ночью я вырубился, и она не могла дозвониться до меня до самого утра.

— Ты шутишь правда? Она должна знать, что ты лежал трупом у меня на диване, а мы всю ночь играли в покер. Черт, я ей расскажу, и все парни подтвердят.

— Она сейчас настолько обезумела, что никому не поверит. Решит, что вы меня просто прикрываете. — Ковыряя тонкую картонную подставку для кружки, я покачал головой, не в силах понять, как это все произошло. — Не понимаю. Кинли никогда не сомневалась в наших отношениях и никогда ни в чем меня не подозревала, потому что я никогда не давал ей повода.

— Значит... — начал Эйдин, потому что я замолчал, — она просто продолжала сыпать обвинениями, а потом велела тебе убираться, и ты послушался?

Я поморщился, потому что все еще не мог поверить, что разговаривал с ней так грубо.

— Гм, нет. Не совсем. Я наговорил ей кучу того, чего не следует говорить женщине, на которой собираешься жениться. Черт, их просто не следует говорить женщине, и не только потому, что ты ее любишь.

Девять лет назад

Перекатившись на бок, я раздраженно выдохнул и встал с постели. Сегодня вечером я ходил на день рождения Кинли, которой исполнилось тринадцать, и теперь никак не мог

выкинуть из головы то, о чем говорили мои друзья.

Я до сих пор не поцеловал Кинли.

Точнее, не целовал с тех пор, как нам было по пять лет и она врезала мне по носу сразу после поцелуя. Но это не считается. Это случилось вечность назад, когда мы были совсем маленькими. Но сейчас-то мы с ней дружим больше двух лет, все наши ровесники целуются — и это по меньшей мере. А я так чертовски сильно хочу ее поцеловать, что ни о чем другом даже думать не могу. Просто мы с ней никогда об этом не говорили, и (если быть до конца честным с самим собой) я боялся того, что сделают ее старшие братья, если узнают.

Да пошло оно все к чертям собачьим!

Натянув спортивные штаны, я набросил рубашку с длинными рукавами, всунул ноги в кроссовки и начал осторожно поднимать оконную раму. Та пронзительно закричала, я вздрогнул и замер, прислушиваясь, не раздадутся ли в коридоре шаги. Минуты шли, никто не появился, так что я медленно открыл окно до конца и вылез наружу, перепрыгнув через посаженные мамой кусты, чтобы их не повредить.

Я подошел к соседнему дому, обошел его сзади и тихонько постучался в темное окно комнаты Кинли.

В ответ — тишина.

Постучавшись еще раз, я подождал несколько минут и стукнул в окно в последний

раз. И когда решил, что пора возвращаться к себе, в окне показалось ее красивое лицо, обрамленное копной спутанных темных волос.

— Джейс? — удивилась она; стекло приглушило ее голос.

Моргнув несколько раз, Кинли продолжала смотреть на меня, словно сомневалась, что в самом деле меня видит. Я улыбнулся и прижал ладонь к холодному стеклу. Она прижала свою ладонь с другой стороны, затем быстро и бесшумно отворила окно.

— Что ты здесь делаешь? — взволнованно прошептала она.

— Я так и не вручил тебе свой подарок на день рождения.

Кинли нахмурилась и смерила меня недоуменным взглядом, как будто решила, что все это ей снится.

— Вручил. Ты подарил мне браслет с сердечком.

Я торопливо облизнул губы и окинул взором задний двор, убеждаясь, что ее братьев нигде не видно. Снова повернувшись к Кинли, смотревшей на меня все растеряннее, я быстро взял ее за щеки, притянул ее лицо к своему и крепко прижался губами к ее губам. После я чуть отодвинулся, взглянул на ее вспыхнувшие щеки и смеющиеся глаза, наклонился и снова поцеловал. Вспомнив подобные сцены из кино и то, как однажды я наткнулся на своего старшего брата с его девушкой, я нерешитель-

но провел языком по губам Кинли. Она едва слышно застонала, чуть приоткрыла губы и провела своим языком по моему.

Поцелуй был неуклюжим и неловким по сравнению с тем, что я видел... но самым прекрасным из всего, что мне до сих пор довелось пережить.

Когда я отодвинулся, ее лицо осветила яркая улыбка, и я знал, что выгляжу точно так же.

— Джейс...

— Это и есть подарок, который я тебе не вручил.

Сегодня

— Ты собираешься мне рассказать, что ты ей наговорил, или так и будешь сидеть тут, уставившись в стол? — Голос Эйдина ворвался в мои мысли, и я оглянулся назад, на бар.

— Мне в самом деле нужно выпить.

— Нет, не нужно. Тебе нужно вывалить наружу это дерьмо так, чтобы в голове все прояснилось и разложилось по полочкам, а потом вернуться и поговорить с ней.

С печальным смешком я бросил картонную подставку на стол и закрыл лицо руками.

— Я назвал Кинли психованной сукой и сказал ей — цитирую: «Сядь, мать твою, и хотя бы раз в жизни закрой свой чертов рот!» — чтобы я смог рассказать ей, что произошло в пятницу у тебя дома.